

«МЫСЛИТЬ ГЛОБАЛЬНО, ДЕЙСТВОВАТЬ ЛОКАЛЬНО»

Авторы, исследующие развитие экологического движения в нашей стране, нередко ссылаются на издающийся в Нижнем Новгороде журнал «Третий путь», редактором которого является **Сергей ФОМИЧЕВ**.

В предлагаемом вашему вниманию интервью С. Фомичев выступает в качестве сопредседателя межреспубликанской Лиги зеленых партий и рассказывает о деятельности Лиги, а также о политических ориентациях ее участников. Интервью провела редактор отдела журнала «ОНС» **Татьяна ИЛЬИНА**.

Т. И. Сергей, вы — автор Устава Партии зеленых, чью деятельность, как я понимаю, продолжает Лига зеленых партий. С чего начиналась ваша организация?

С. Ф. В 1988 году образовалась межгородская инициативная группа, объединенная интересом к экологии. В нее входили представители Самары, Брянска, Хмельницка на Украине — всего двух десятков городов. Создавая партию, мы программу ее в основном позаимствовали у немецкой партии зеленых, а устав разрабатывали специально для нашей страны, применяясь к ее условиям.

Т. И. 1988 год — это первая предвыборная кампания по новому Закону о выборах, первый съезд народных депутатов СССР, взлет политической активности, когда многие новые движения громко заявили о себе. Люди заговорили о политическом плюрализме, о проблемах власти и собственности, в том числе на землю. Почему вы избрали для себя именно экологический путь, лежащий как бы в стороне от главных политических задач?

С. Ф. Я путей не выбирал, а политика в чистом виде меня никогда не привлекала. Правда, я участвовал в деятельности Народного фронта, но это участие изначально было связано с экологическим движением. С самого начала мои друзья и я ориентировались на политическую экологию, т. е. на природоохранную деятельность, так или иначе увязанную с социальными и политическими вопросами.

Что касается места экологических проблем, то я их считаю все-таки первоочередными и ставлю прежде экономических — даже несмотря на сегодняшнее тяжелое экономическое положение. Если взглянуть пошире, подняться с бытового на глобальный уровень, станет понятно: не решим сейчас экологические проблемы — и экономику вообще не для чего будет развивать.

Т. И. Вы называете себя партией, а это, строго говоря, понятие политическое и предполагает борьбу за власть. Вы боретесь за власть или имеете, может быть, какое-то представительство в ее структурах?

С. Ф. Вообще-то такое представительство у нас есть, но поскольку выборы проходили не по партийным спискам и, кроме того, наша партия не зарегистрирована, это представительство не прямое.

Т. И. А почему она не зарегистрирована?

С. Ф. Из-за того, что наши законы такие... интересные. Для регистрации требуется множество всяких бумаг, которых мы не можем быстро собрать из-за того, что наша Лига не централизована: так, мы не можем собрать с каждого ее члена заявление, составить списки, протоколы, потому что большинство наших организаций работают на неформальной основе. Мало того, многие вообще не любят всякую бюрократию и никаких протоколов просто не ведут. Некоторые из партий, входящих в нашу Лигу — например Чувашская и Челябинская партии зеленых,— зарегистрировались на местах, и им не интересно заниматься российской или межреспубликанской регистрацией.

Кстати, сложность и в том, что Лига имеет межреспубликанский статус — а международных партий не бывает. Но у нас она есть, потому что мы не признаем политических границ, тем более когда дело касается экологических проблем. Чернобыль затронул три республики, которые теперь стали независимыми государствами, и ликвидация последствий катастрофы — их общее дело.

Кроме того, мы не ориентируемся на одну страну, потому что не считаем, что партия — это сила, борющаяся за власть. Мы не боремся за власть. Мы — партия, поскольку занимаемся политикой, но наша политика — не стремление к власти и не парламентская борьба, а влияние на принятие решений.

А влиять на принятие решений можно по-разному, и не только используя парламентские методы (я уже говорил, что есть депутаты разных уровней—члены Лиги). Мы широко применяем радикальные методы давления на власть: когда стоит какая-то особо острая проблема, мы устраиваем небольшой бунт, чтобы власть на местах пошла на уступки.

Т. И. И вы чего-то добиваетесь? Можно привести пример?

С. Ф. Из последних примеров назову акцию в Липецке, проведенную летом 1992 года против строительства там совместного российско-шведского предприятия «Викинг крапс». У нас был целый комплекс претензий к этому проекту, в том числе о переносе строительной площадки в другое место, о том, чтобы убрали из проекта ряд вредных производств и создали бы замкнутую систему водоснабжения.

Видимо, шведы рассчитывали на нашу некомпетентность и не слишком совершенные законы, поэтому пытались сбыть нам устаревшую технологию (кстати, сейчас подобное явление принимает массовый характер). Но члены Лиги зеленых активно протестовали, и за два месяца протеста мы добились того, что почти все наши требования были приняты. Пришлось прибегнуть даже к стычкам с властями, с милицией. Хотя обычно этим занимается не столько Лига зеленых партий, сколько другая организация — Хранители радуги, а также несколько анархистских групп.

Т. И. В общем, интересно живете. Я слышала, что в вашем движении довольно много молодых людей — больше, чем в других движениях и партиях (за исключением, кажется, «Памяти»). Их привлекает именно такая «интересная жизнь»?

С. Ф. Да, может быть. Но у нас молодежь все-таки меньше политизирована.

Т. И. Можно запутаться в многочисленных зеленых партиях...

С. Ф. На территории бывшего СССР работали две крупных не-политических организации — это Зеленое движение и Социально-экологический союз, а также наша политическая организация (тогда она называлась Партия зеленых); больше подобных общесоюзных организаций не было. С распадом СССР Социально-экологический союз приобрел международный статус (туда вступили даже некоторые американские организации); Зеленое движение, в котором участвовали Е. Гайдар, О. Попцов и др., практически прекратило свое существование (скорее всего потому, что для многих оно было просто трамплином к политической карьере), а наша Лига зеленых партий стала меж-республиканской организацией — пока неформальной. В России возникла также Российская партия зеленых в результате раскола, происшедшего на втором съезде союзной партии, и теперь примерно половина членов входят и в ту, и в другую — и в Лигу зеленых партий, и в Российскую партию зеленых.

Т. И. Раскол принципиальный?

С. Ф. Нет, я думаю, скорее, амбициозный, как все расколы в политической деятельности...

Т. И. Большинство из нынешних новых партий сильны (или вообще видны) лишь в Центре, а на местах имеют слабую поддержку, особенно сегодня, когда многие люди «объелись» политикой. У вас же наоборот: вы сильны деятельностью на местах, инициативой снизу, а сильного организационного «кулака», который бы, к примеру, пробивал регистрацию партии, принятие единой экологической программы на уровне государства, нет.

С. Ф. Правильно. Но жесткая организация противоречит нашим принципам. Потребность в ней, может быть, и есть, но мы считаем, что централизация привела бы к угасанию деятельности на местах. Вообще традиция все собирать в Москве — и центры всей партий, и музеи, и все остальное - по-моему, специфична только для России.

Т. И. Скорее, она специфична для отсталых стран. Нам еще далеко до цивилизованного регионализма...

С. Ф. Может быть. Но следовать этой традиции мы не хотим. Наша партия в этом отношении похожа на Демократический союз, с которым на местах мы даже сотрудничали.

Кроме того, членов Лиги зеленых партий объединяет экологический интерес, а политические ориентации у них различные. Еще и по этой причине удобнее основную работу вести на местах; там зеленые сами выбирают, с кем им сотрудничать. Например, в Челябинске они сотрудничают с Демократической Россией и даже получают места в органах власти, в том числе исполнительной. В Липецке, у нас в Нижнем Новгороде сотрудничают с анархистами, упор делается на конкретные акции. Если была бы централизация, мы бы имели какую-то общую линию, это сковывало бы инициативу, и расколов было бы гораздо больше.

Т. И. А вы не считаете полезной выработку современной общегосударственной программы по защите окружающей среды? Не носит ли ваша деятельность — из-за отсутствия централизации — несколько кустарный характер?

С. Ф. Нет, мы так не считаем. Пока у нашей партии по международным меркам левая ориентация. Это означает, что мы с большим недоверием относимся ко всяким государственным органам и государственным программам.

Т. И. Ну вот, скажем, в свое время Гайдар подписал решение о расконсервации атомных электростанций. И что вы можете этому противопоставить?

С. Ф. В рамках закона мы можем противопоставить этому референдум о необходимости атомных станций. Хотя эта работа очень сложна, но она идет, и это реальный шанс противопоставить решению властей мнение населения. Однако требуется большая подготовительная работа, которая займет год-два.

Т. И. Не слишком ли вы оптимистичны? Если серьезно подходить к такому референдуму, люди должны получить очень большую информацию и суметь ее правильно оценить...

С. Ф. Разумеется, Лига зеленых партий одна и не собирается, да и не сможет провести такой референдум. Но поскольку на своей последней конференции представители самой крупной организации зеленых — Социально-экологического союза — отказались возглавить эту кампанию, а инициативы на местах все равно продолжают, мы решили взять на себя координацию подготовки такого референдума.

Т. И. На счету вашей партии — конкретные акции протеста, закрытие вредных производств, подготовка к референдуму. А еще каковы сферы вашей деятельности?

С. Ф. Мы выпускаем журнал «Третий путь», а сейчас создаем Институт социальной и глобальной экологии, где будем проводить семинары и вести исследования. Цель — продвигать идеи социальной экологии среди самих зеленых, попытаться поднять теоретический уровень участников движения. Еще мы проводим идеологическую работу, пропагандируем политическую экологию. Как политическая партия мы разрабатываем свою модель общества, в которой были бы воплощены наши идеи; сейчас об этом идут оживленные дискуссии.

Т. И. А как можно разработать такую модель, если у участников Лиги, как вы говорите, самые разные политические ориентации — от анархистов до радикальных демократов?

С. Ф. Это сложно. Но мы стараемся пока не акцентировать такие раздражающие ту или иную сторону вопросы, как отношение к рыночной экономике, к государству.

Т. И. А каким образом ваша Лига разрабатывает проблемы, связанные с окружающей средой? Ведь чтобы поставить какую-то конкретную задачу, нужны серьезные исследования, грамотные экспертные оценки. Вы сотрудничаете с учеными?

С. Ф. У нас есть консультанты по разным вопросам, специалисты, которые не состоят в Лиге, но оказывают нам помощь в качестве экспертов. Например, профессор Л. Федоров, выступивший в конце 1992 года вместе с В. Мирзаяновым против нарушения нашими военными международной Конвенции о запрещении химического оружия и уничтожении его запасов. Мы много сотрудничали, и после наших акций в 1989 году в Чапаевске возле Самары был закрыт первый в нашей стране завод по уничтожению химического оружия, который был экологически очень не выдержан и технологически очень опасен. У нас вообще не умеют уничтожать химическое оружие, а международная договоренность как бы подталкивает к тому, чтобы это происходило быстрее. Я ездил в США для переговоров с их экологическими организациями, и мы подписали меморандум, гражданское соглашение о том, чтобы не было твердых временных рамок, чтобы дать ученым возможность для разработки шадящих технологий уничтожения оружия.

Вообще, хотя химическое оружие больше не производится, однако не всякое отравляющее вещество признается химическим оружием. Поэтому тот же фосген, например, скорее всего еще производится, и у властей есть отговорка, что он, мол, используется в мирных целях. Конечно, мы выступаем против всего этого.

Т. И. Раз вы затронули эту тему, расскажите о сотрудничестве с зарубежными зелеными движениями.

С. Ф. В основном это информационное сотрудничество. Поскольку мы — политическая партия, разумеется, мы не получаем никакой финансовой помощи из-за рубежа: не потому, что это запрещено законом, а потому, что зарубежные организации не финансируют обычно партии зеленых из других стран. В области обмена информацией мы сотрудничаем со многими организациями, в том числе с такими крупными, как Гринпис.

Т. И. Как вы сами оцениваете число членов вашей Лиги и ее политическое влияние?

С. Ф. Численность у нас небольшая, если говорить строго, около двух тысяч человек (хотя по спискам — около четырех тысяч), т. е. вдвое меньше, чем у СДПР. Много членов мы потеряли после развала Союза. Так, мы потеряли часть организаций на Украине, которые не хотят теперь с нами сотрудничать. Я думаю, причины здесь скорее эмоциональные, чем принципиальные — ведь у нас общие цели. В отдельных республиках, например в Казахстане, наши организации совсем перестали существовать. Из бывших республик СССР они остались в Узбекистане, в России и на Украине.

Что касается влияния, пока, конечно, в масштабе страны на политику мы не влияем. Сейчас мы не в состоянии влиять ни на умы людей, ни на правительство. Но зато мы реально можем оказывать и оказываем влияние на местах. Здесь мы поднимаем общественное мнение и представляем власти к нему прислушиваться. Может быть, мы теряем в мировом плане, но зато выигрываем в конкретных делах.

Другие партии, озабоченные крупными проблемами, например частной собственностью на землю, могут много об этом рассуждать и долго спорить; мы же заняты делами более мелкими. Но зато уж если мы где-то решаем вопрос, допустим, о закрытии завода или об очистке отходов, так он в конце концов действительно решается. И после этого население к нам относится с большей симпатией, чем к другим партиям, занятым более крупными проблемами.

Т. И. Понятно, что в этой поддержке — основа для надежд вашей партии на будущее. Но меня удивляет, что, если я правильно поняла, вы не связываете решение экологических задач с успехом политической реформы, с крупными политическими решениями, такими как введение частной собственности на землю.

С. Ф. Как частное лицо — связываю. Но как председатель партии я не могу сказать этого от ее имени, потому что среди членов Лиги нет единого мнения о частной собственности на землю.

Сам я не выступаю ни за, ни против этой частной собственности. У меня вообще другая концепция: я считаю, что современное индустриальное общество как таковое обречено на большой провал. На что у нас ориентировано большинство демократически настроенного населения? На то, чтобы создать в этой стране индустриальное общество западного образца. Так вот, с экологической точки зрения, осуществить это на практике невозможно. Потому что, если Россия будет жить так же, как Америка, то экологическая катастрофа может разразиться буквально за несколько месяцев. Ведь США в экологическом плане — чрезвычайно затратная экологическая модель, даже кислорода они потребляют больше, чем могут восстановить их леса; они размещают грязные производства и черпают природные ресурсы за пределами своей страны. Невозможно, чтобы весь мир жил так же.

Т. И. А есть ли в мире такое государство, которое было бы оптимальным потребителем ресурсов, не загрязняло бы воздух и воду и вообще такое, чтоб на него мы могли бы равняться?

С. Ф. Трудно сказать. Может быть, ближе к оптимальному варианту стоит Япония, хотя это тоже не эталон. Из-за скудости своих ресурсов японцы изначально были ориентированы на то, чтобы их экономить и беречь. Но для России и японская модель вряд ли подходит: все же это азиатский способ производства с его сверхэксплуатацией при внешнем процветании, с огромной ролью государства.

Т. И. А у вас самого какая политическая ориентация?

С. Ф. Анархическая, я к государству вообще-то плохо отношусь, не будучи сторонником ни коммунизма, ни западной демократии.

Т. И. Так власть вообще не нужна?

С. Ф. Не нужна.

Т. И. Никакая? Даже муниципальная?

С. Ф. Никакая. Но муниципальная власть, возможно, нужна на том этапе, пока не будет создано основ гражданского общества. Сейчас, если у нас убрать власть, то начнется не анархическая революция, как считают многие анархисты, а просто большой хаос, потому что люди еще не научились жить в мире друг с другом.

Т. И. Даже у живущих в мире людей, вероятно, будут возникать поводы для столкновения интересов, для конфликтов. Когда вы говорите, что любая власть не нужна, то забываете, видимо, о ее третьей ветви — судебной?

С. Ф. Судебная власть — вообще большая проблема для анархизма. Анархисты выступают против государственного суда, который решает судьбы людей, исходя из кем-то написанных законов. С другой стороны, они выступают также и против самосуда, против суда Линча: стихия людей не может быть объективной.

Т. И. А кому же разрешать конфликты между людьми? Остается война?

С. Ф. У разных анархических течений этот вопрос решается по-разному. Допустим, у анархо-коммунистов — просто исключать человека из коммуны за все прегрешения... Меня не устраивает ни одно из предлагаемых решений. А наша судебная система меня тоже не устраивает; я и мои друзья сталкивались с ее несправедливостью. Целый год шел большой процесс в Москве над двумя анархистами — Родионовым и Кузнецовым, он закончился весной 1992 года. А за год до того была демонстрация молодежи на Лубянке, в ней участвовали совсем юные, несовершеннолетние ребята. На подходе к Лубянке, в подземном переходе была спровоцирована драка. Громилы в штатском схватились с подростками-анархистами, тут же набегали омоновцы, ребят забрали и инкриминировали им злостное и целенаправленное сопротивление властям. Причем ребят продержали до суда в тюрьме несколько месяцев, и причиненные им побои нигде не были зафиксированы, зато было оперативно проведено медицинское освидетельствование тех кагебешников, которые их спровоцировали на драку. И вот Дзержинский районный суд приговорил ребят к трем годам, правда, потом Мосгорсуд отменил это решение: адвокат был хороший, общественное мнение поднялось, и не только в Москве, но и за рубежом...

Вообще, разве можно оценивать конкретного, живого человека, личность на основе какого-то закона, написанного для всех?

Т. И. Так и законов, по-вашему, не должно быть?

С. Ф. В таком виде, как сейчас, — нет.

Т. И. А если бы наш закон в большей степени охранял окружающую среду, разве вы бы на него не опирались, не апеллировали бы к нему?

С. Ф. Нет, от использования законов мы не отказываемся, как и от участия в работе республиканских органов власти, и от того, чтобы добиваться принятия новых законов, направленных на защиту окружающей среды.

У нас также свое особое отношение к национальному вопросу. Я вообще не признаю никаких национальностей, не являюсь ни националистом, ни интернационалистом. Никто не может дать определение национальности. Это скорее понятие государственное, а с точек зрения и экологической, и биологической — наций нет.

Т. И. Если нет наций, стало быть, нет и национального вопроса. А кровь льется...

С. Ф. Наций нет, а национальный вопрос есть, но он скорее политический, и кровь льется потому, что кому-то удобно его использовать в своих целях.

Т. И. А национальные чувства людей, национальные обиды?

С. Ф. Я считаю, что они чаще всего надуманны и искусственно раздуты политиками. Как эколог я не вижу разницы между нациями и не признаю границ; защищать окружающую среду надо для всех людей без различия. А если начать делить территории, если объявить, что Россия — только для русских или, скажем, только для россиян — что последует? В азиатских республиках, где чудовищный прирост населения, проблема перенаселенности встанет так скоро, что все равно разрушит границы, но уже силой оружия; разразится война.

Т. И. А как решается проблема перенаселенности?

С. Ф. Она вообще никак не решается гуманно. То есть как анархисты мы не можем предлагать законы об ограничении численности населения, потому что это своего рода экологический фашизм. Мы стоим за пропаганду среди населения самоограничения рождаемости — пропаганду того, что на Западе называют планированием семьи. Но в Азии это не решит вопроса, потому что, чтобы получить толк от такой пропаганды, нужен определенный культурный уровень населения, а его невозможно поднять без необходимого материального уровня. Наконец, материальный уровень в этом регионе поднять нельзя из-за возможной экологической катастрофы: биосфера не выдержит нагрузки, если будет подниматься уровень жизни в странах третьего мира и в то же время останется прежним уровень жизни на Западе. Я выделяю две взаимосвязанных глобальных проблемы: рост потребления и рост населения, которые ведут к экологической катастрофе через исчерпание ресурсов.

Т. И. Я думаю, наши читатели тоже помнят предостережения Мальтуса. А вы не видите парадокса в том, что стоящие перед вашей партией проблемы вы очень четко осознаете как глобальные, всеобщие, а решать их вы стремитесь на самом что ни на есть низовом уровне?

С. Ф. Это старый лозунг немецких зеленых: «Думай глобально, действуй локально». Это не случайная, а продуманная тактика, потому что в глобальном плане экологической реформы сверху (а здесь даже дело пахнет не реформой, но экологической революцией) не осуществить.

© С. Фомичев, Т. Ильина, 1993